

Через два часа из полицейского участка вышла группа людей, но по сравнению с тем, сколько их вошло, очевидно, что вышло меньше половины, Лю Шао и младшие братья, которых он привел, все остались в участке.

Юй Шанхуэй сдал кровь, и то, что он пил, было действительно наркотиком, который подмешал Чжан И. В качестве доказательства было использовано видеонаблюдение в баре, и Чжан И также был арестован. А так как он был подкуплен Лю Шао, тому невозможно было избежать ответственности, не говоря уже о том, что перед этим он перевел солидную денежную сумму на счет Чжан И.

Жаль только, что Бай Вэньюй не был арестован. Лю Шао по прежнему надеялся угодить Чу Цзиньшэну и взял всю вину за инцидент на себя, сказав, что Бай Вэньюй в начале ничего не знал об их планах, а потом просил ничего не делать брату.

Лю Шао просто в одностороннем порядке хотел отомстить Юй Шаньхуэю и Бай Чэнханю, потому что был недоволен поражением в гонке, а Бай Вэньюй просто случайно встретился с ними в баре.

Поскольку на записи, которую сделал Бай Чэнхань нет изображения, единственное, в чем можно обвинить Бай Вэньюя, это то, что он взял пепельницу, чтобы ударить Бай Чэнхана в конце, но в то время только группа в ложе, сотрудник бара, случайно оказавшийся перед дверью, и Ли Цзычжэн были свидетелями.

Работник бара не осмелился перечить Чу Цзиньшэну, поэтому просто сказал, что ничего видел.

Что касается другого человека...

Хотя Ли Цзычжэн сказал, что Бай Вэньюй его разочаровал, он никогда не думал о том, чтобы позволить полиции обвинить Бай Вэньюя.

Поэтому, когда его спросили о том, что произошло в тот момент, Ли Цзычжэн сказал, что в комнате было темно, и он не мог ясно видеть. Когда Шаньхуэй, который вернулся в нормальное состояние сразу после того, как ему сделали укол, нейтрализующий наркотик, услышал это, он был так зол, что хотел избить Ли Цзычжэна, но был остановлен Бай Чэнханем.

Юноша знал, что это произойдет. Цель, по которой он позволил Цзычжэну прийти в бар, заключалась не в том, чтобы действительно обвинить Бай Вэньюя. Даже если бы Вэньюя обвинили, так как сам он не пострадал, то максимальное наказание было бы несколько дней в участке за хулиганство, а с деньгами семьи Бай и возможностями Ли Цзычжэна, не будет и этого. Так что на Бай Вэньюя это никак не повлияет.

То, что он хочет сделать сегодня вечером, это другое.

В это время было уже три или четыре часа ночи, и Ли Цзычжэн чувствовал себя крайне виноватым перед Бай Чэнханем из-за только что данного им лжесвидетельства. Он открыл рот, чтобы сказать что-то Бай Чэнханю, но промолчал, не зная, как и что сказать.

Совість, которая у него все-таки была, и от которой он отказался сегодня ради Бай Вэньюя, заставляла его чувствовать себя некомфортно, не позволяя смотреть в глаза Бай Чэнханя.

Но глядя на Бай Вэньюя, когда он умолял его с красными глазами и слезами, бегущими по бедному лицу, он не мог ничего с собой поделать. Они росли вместе с тех пор, как были детьми, не говоря уже о том, что Вэньюй помог ему, когда его избивали. Он никогда не забывал эту сцену. Как и свою клятву при их встрече в семье Бай, когда он нашел своего маленького спасителя, он поклялся, что будет защищать его до конца жизни.

Поэтому он пошёл против своей совести и дал ложные показания. Он не сожалел об этом, но ему было стыдно перед Бай Чэнханем.

Особенно в этот момент, глядя на стоящего в ночи юношу, одетого в белую рубашку и черные брюки. Ветер развеивает его рубашку, очерчивая худощавую фигуру. Юноша спокойно смотрит на него холодными глазами, как если бы он был неуместным мусором.

От такой мысли у Ли Цзычжэна перехватило дыхание, и он шагнул вперед, чтобы объяснить, но как только он сделал шаг, Бай Вэньюй обнял его:

— Брат Цзычжэн, прости... я был очарован призраком* на какое-то время и не осмелюсь делать это в будущем. Этого больше никогда не случится.

(П.п.: очарован призраком - аналогично "бес попутал")

Ли Цзычжэн не мог отвести взгляд от стоящего рядом Бай Чэнханя и хотел вытянуть руку, но Бай Вэньюй обнял его еще крепче.

Бай Вэньюй был зол в глубине души, он не ожидал, что приготовит урну, чтобы поймать черепаху, но та придумает для него еще более хитрую уловку. На этот раз он был неосторожен и недооценил Бай Чэнханя.

Человек перед ним уже не тот, кем он был, когда они впервые встретились. Именно из-за своего плохого зрения он не заметил, что тот так долго притворялся свиньей, чтобы съесть тигра*. Он был ослеплен показанным трусливым и мягким темпераментом, что привело к тому, что они плохо с ним обращались и ни во что не ставили. Притворство - единственный способ для Бай Чэнханя узнать так много всего за этот месяц и придумать контрмеры.

(П.п.: притвориться свиньей, чтобы убить тигра - прием, который применяется против сильного врага. От него скрывают клинок, представляются глупыми, как свинья, поддаются во всем,

изображают дружескую улыбку и прислуживают, подобно рабам. Но как только представляется случай, раб превращается в палача.)

На этот раз он почти попал в ловушку.

Юй Шаньхуэй сердито вскочил:

— Одержимый призраком? Думаешь, мы поверим? Когда ты взял пепельницу и хотел искалечить Чэнханя, считал, что все ослепли? А ты... - Он перешёл к Цзычжэну. - Я думал, что ты здесь, чтобы спасти людей. А на самом деле оказался похож на енотовидную собаку! Подлый! Бессовестный! Собака!

Юй Шаньхуэй бросил им двоим все слова, которые только мог придумать. Ли Цзычжэну совесть не позволила ответить, и Чу Цзиньшэн больше не мог этого выносить. Он шагнул, чтобы встать перед слабым и несчастным Бай Вэньюем:

— Заткнись и прекрати ругаться!

Юй Шаньхуэй сердито рассмеялся:

— Ты чертова лижущая собака и заслуживаешь того, чтобы тобой воспользовались!

Он понял, что этот Бай Вэньюй - высококачественный зеленый чай с одной подвеской и запасным колесом, какого черта они еще могут жить дружно?

Для Чу Цзычжэна это первый раз, когда второго молодого мастера его уважаемой семьи Чу ругали до смерти, как лижущую собаку. Его грудь сильно вздымалась от гнева, а желтые волосы встали дыбом, как шерсть воинственного кота:

— Ты ищешь смерти!

Он сжал кулаки и замахнулся чтобы ударить.

Юй Шаньхуэй почти восстановил свои силы, поэтому собирался ударить в ответ, даже если немного опасался, но вскоре почувствовал, как кто-то сзади положил руку ему на плечо, и когда Чу Цзиньшэн ударил, его слегка отклонили в сторону. Кулак Цзиньшэна прошёл мимо, но в следующий момент инерция замаха сильно наклонила его, заставив описать круг, чтобы стабилизировать свою фигуру, и заканчивая движение, он столкнулся с Бай Вэньюем и Ли Цзычжэном так сильно, что все они упали.

Выражение лица Ли Цзычжэна было нехорошим:

— Цзиньшэн!

Бай Вэньюй испугался еще больше и просто бессвязно закричал. Чтобы защитить его, Чу Цзиньшэн использовал себя в качестве подушки и, в конце концов, был так сильно раздавлен весом двух людей, что его внутренние органы начали болеть.

Юй Шаньхуэй был ошеломлен и не мог сдержать смех:

— Ты это заслужил!

Вспомнив, что только что ему помогли, он улыбнулся и поднял большой палец вверх:

— Чэнхань по-прежнему лучший.

Однако взгляд Бай Чэнханя не отрывался от трех человек, которые в смущении упали на землю. Он внимательно смотрел пока Бай Вэньюй помогали подняться и поправляли открывшийся ворот его рубашки.

Ли Цзычжэн не ожидал, что у него будет такой неловкий день, особенно когда его неоднократно унижали перед Бай Чэнханем. Его лицо было багровым, а когда он, наконец, встал, он еще чувствовал обиду на этого глупого маленького мальчика:

— Цзиньшэн, ты что, сошел с ума? Недостаточно накосячил?

Чу Цзиньшэн был очень обижен:

— Цзычжэн, он был тем, кто первый оскорбил меня...

Ли Цзычжэн:

— Если ты не умеешь бить людей, зачем все еще пытаешься это делать?

Чу Цзиньшэну тоже сегодня не повезло, и он ничего не мог поделать со своим буйным характером. Бай Вэньюй, который был во всем этом замешан, не посмел усугублять ситуацию, поэтому сразу начал утешать его.

Выслушав тихие уговоры Бай Вэньюя, Чу Цзиньшэн быстро успокоился:

— Ладно, у меня нет таких умений, как у них, я послушаю Вэньюя.

Ли Цзычжэн нахмурился и посмотрел на эту сцену плохими глазами, выражение его лица становилось все более и более мрачным, особенно когда он думал о том факте, что Бай Чэнхань ранее упомянул, что они вдвоем собираются смотреть фильм наедине.

Думая о Бай Чэнхане, он посмотрел на него и обнаружил, что в этот момент взгляд того не отрывался от Бай Вэньюя, и уголки его губ насмешливо изгибались. Ли Цзычжэн нахмурился, не понимая, что вызвало такую реакцию. Его взгляд машинально проследил за взглядом второго и упал на шею Бай Вэньюя. На ней виднелся нефритовый кулон, торчащий из-под выреза рубашки. Кулон инкрустирован золотым кругом и выглядит очень знакомо.

Ли Цзычжэн и Чу Цзиньшэн знакомы давно, поэтому он, естественно, видел эту семейную реликвию, которую Чу Цзиньшэн носил с детства, но почему она висит на шее Вэньюя?

Семейные реликвии и просмотр фильмов вдвоем, очевидно, имеют совершенно разные значения.

Ли Цзычжэн почувствовал себя рогоносцем и уставился на этих двоих с мертвенно-бледным лицом. Его глаза были настолько странными, что Бай Вэньюй, наконец, понял, что что-то не так. Он посмотрел вниз, но было слишком поздно скрывать подвеску. Падение неожиданно выставило ее на всеобщее обозрение.

— Цзы... брат Цзычжэн, выслушай мое объяснение, это потому что... потому что я недавно услышал от мастера, что моя удача очень плохая, поэтому нужен очень хороший нефрит, чтобы защитить меня. Брат Цзиньшэн сказал, что у него есть такой. Так что он позволил мне носить его несколько дней.

Бай Вэньюй уже придумал оправдание, но выражение лица Ли Цзычжэна не сильно улучшилось после того, как он закончил говорить.

У Ли Цзычжэна просто закружилась голова, его грудь сдавило, он стиснул зубы и посмотрел на Чу Цзиньшэна:

— Это так?

Чу Цзиньшэн потряс головой, как погремушкой:

— Да, да.

Недоумевая:

— Разве Вэньюй не сказал, что ему очень понравился нефрит, поэтому я просто отдал его ему? Как он мог вернуть его в течение нескольких дней?

Ли Цзычжэн не находил слов. Это была не просто личная вещь, а фамильная реликвия, которую Чу Цзиньшэн всегда носил на своем теле. И в этот момент... будущий жених, с которым он должен скоро провести официальную помолвку, носит такую личную чужую вещь... Ему было просто невыносимо от осознания этого:

— Если нужен нефрит, я куплю его тебе в подарок, а сейчас верни подвеску Цзиньшэну, это семейная реликвия их семьи, ты не можешь носить его вот так просто.

Лицо Бай Вэньюя побледнело. Как он мог вернуть ее. Он полагался на Камень Удачи семьи Чу, чтобы увеличить свою удачу на 10 пунктов, не говоря уже об улучшении внешности на 5 пунктов и навыках игры на фортепиано на 5 пунктов. Если он вернет нефрит, он снова вернется к своему первоначальному виду?

Но Ли Цзычжэн в этот момент так смотрел на него, что Бай Вэньюй пискнул:

— Брат Цзычжэн, я недавно испачкался неудачей, и если верну ее, то заболею...

Ли Цзычжэн был необъяснимо упрям:

— Я сделаю, чтобы кто-нибудь прямо этой ночью доставил тебе освященный нефрит, а ты верни подвеску ему.

Бай Вэньюй видел, что Ли Цзычжэн был действительно зол. Он никогда раньше не видел его таким злым, но отдать камень удачи... он не хотел возвращать его. Пока он был в растерянности, краем глаза он увидел Бай Чэнхэня, который стоял неподалеку и смотрел хорошее шоу. Быть опозоренным перед этим улюбленным братом было абсолютно невозможно. Он сердито прикусил губу:

— Брат Цзычжэн, мне это просто нравится... Я не хочу возвращать это.

Ли Цзычжэн рассмеялся в ответ:

— Хорошо, хорошо, ты действительно можешь это сделать.

Чу Цзиньшэн выглядел смущенным и объяснил:

— Цзычжэн, раз Вэньюй любит это, пусть носит его. Я...

Но встретив серьезный взгляд Ли Цзычжэна, он не осмелился говорить дальше. Цзычжэн не увидит, что у него на уме? Но он не думал о воровстве жениха, он просто хотел быть милым с Вэньюем.

Бай Чэнхань просто наблюдал, как значение сердцебиения Ли Цзычжэна для Бай Вэньюя упало с 72 до 60, и почти издал «вау». Он не ожидал, что Бай Вэньюй скорее рискнет любовью Ли Цзычжэна, чем вернет камень. И подлил масло в огонь:

— Похоже, моему брату так нравится эта вещь, что он должен её оставить себе любим способом.

Бай Вэньюй закусил губу в великой обиде и закричал:

— Брат Цзычжэн, что с тобой не так? Ты все еще неправильно понимаешь меня и брата Цзиньшэна после того, как услышал, что я сказал? Ты хочешь, чтобы я страдал от невезения, вернув это? Что важнее: слова моего брата или моя безопасность?

Ли Цзычжэн не ожидал, что он перевернёт все вверх ногами, и его лицо позеленело от гнева.

Бай Чэнхань почти хотел аплодировать его выступлению, но... поскольку он потратил столько усилий, он, естественно, никогда не думал о том, чтобы позволить Бай Вэньюю оставить камень удачи.

Ли Цзычжэн был лишь первым шагом, что касается второго шага...

После резкого торможения автомобиля пронзительный звук был особенно громко слышен посреди ночи. Все тут же посмотрели туда, откуда он донесся, и увидели остановившуюся рядом черную спортивную машину. Водитель вышел из нее и открыл заднюю дверцу. Из нее вышел высокий, длинноногий мужчина в чёрном классическом костюме, в этот момент его лицо было суровым, тело источало холод, в черных глазах блестела злость, а когда он шел с плотно сжатыми губами, его аура была ужасающей, казалось, еще немного и с трудом сдерживаемая ярость выплеснется наружу.

Желтоволосый Чу Цзиньшэн собирался что-то сказать, но когда он увидел приближающегося человека, он был похож на кота с взъерошенной шерстью и хотел спрятаться, но был пригвожден к месту убийственными глазами мужчины. Он сжал свою шею и крикнул тихим голосом:

— Большой, большой брат ... почему ты здесь?

Лицо Бай Вэньюя изменилось в тот момент, когда он увидел появление Большого Брата Чу, его сердце похолодело, и он не мог не сжать пальцами камень удачи, который он носил на шее.